

4/95

И.М.
декан
истор

ISSN 0321-3005

ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

*Северо-Кавказский
регион*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

1995

4

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

Регистрационный номер 011018

Комитет по печати Российской Федерации

Научно-образовательный и прикладной журнал

Издается с 1973 г.

Периодичность серии 4 номера в год

№ 4 (92) 1995 г.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ НАРОДОВ ДОНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

- Матвеев В.А.* Кавказская война: незамеченные итоги 3
- Чернопицкий П.Г.* Опыт повышения культуры земледелия в Северо-Кавказском крае в 1920-1927 годах 11

ЭКОНОМИКА: ТЕО- РИЯ И ПРАКТИКА

- Игнатова Т.В.* Перспективы реформирования механизма приватизации в России 17
- Алифанова Е.Н.* Становление финансово-промышленных групп и российский фондовый рынок 21
- Соколова Е.М.* Проблемы формирования оборотного капитала промышленных предприятий в современных условиях 25
- Клюева Н.А., Самофалов В.И.* Оценка результативности управленческой деятельности на предприятии 27
- Сысоева И.Л.* Управление ценой в условиях нестабильного рынка 30
- Рукина С.Н., Денисова И.П.* Ценообразование на медицинские услуги в период формирования рынка 34

СТАТЬИ И СООБЩЕ- НИЯ

- Курбатов В.И., Фурдей С.Г.* Две парадигмы социальных исследований и технологий 38
- Сорока М.В.* Безработица в России: социально-психологический аспект 43
- Кулаковский А.В., Ляшенко С.И.* Стратегия развития особо охраняемого эколого-курортного региона Кавказских Минеральных Вод 49
- Титаренко И.Н.* Трагедии Сенеки 52
- Гвоздарев Ю.А.* Пословицы и поговорки как объект лингвистического исследования (на материале фольклора народов Северного Кавказа) 58
- Черкезов С.Е.* Личностное общение в системе "ученик-компьютер" 62

КРИТИКА И БИБЛИО- ГРАФИЯ

- Давудов О.М.-М.Р. Гасанов.* Дагестан в составе Кавказской Албании (некоторые вопросы социально-экономической и политической истории) Махачкала, 1995 64
- Белоусов В.М.* - В.В.Высоков, В.С.Золотарев, А.Я.Черенков. Инвестиционная деятельность на приватизированном предприятии. Ростов н/Д, 1995 64
- Гайков В.Т., Назаров В.В., Осипова А.А.- И.П.Шкуратова* Когнитивный стиль и общение. Ростов н/Д, 1994 65
- Новые книги 66

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, ХРОНИКА

- Казначеева Т.П.* Региональная научно-практическая конференция "50 лет Победы в Великой Отечественной войне" (Ставрополь, апрель 1995 г.) 67

<i>Бурлакова С.В., Тилинина Т.В.</i> Первые Минасяновские чтения (Ростов н/Д, апрель 1995 г.)	68
<i>Маржохов А.Л.</i> Научно-теоретическая конференция "50-летие Победы в Великой Отечественной войне" (г.Нальчик, май 1995 г.)	69
<i>Б.Н.Проценко</i> Международная научно-практическая конференция "Войны России XX века в изображении М.А.Шолохова" (Шолоховские чтения) (Ростов н/Д.-Вешенская, май 1995 г.)	70
<i>Корнилова Е.Е., Недогарко М.В.</i> Международная школа-семинар "Современное состояние и перспективы развития журналистской науки, образования, практики" (Ростов н/Д, май 1995 г.)	74
<i>Казначеева Т.П.</i> Красная научно-практическая конференция "Проблемы гуманитарного образования: содержание и методы" (Ставрополь, Пятигорск, март 1995 г.)	77
<i>Ляхов Ю.А.</i> Научный симпозиум "Юридическое образование в России: прошлое, настоящее, будущее" (Ростов н/Д, май 1995 г.)	77
<i>Пелихов Н.В.</i> Совещание по I разделу IV направления программы "Университеты России": "Интеграция университетов России в мировую систему образования и науки с учетом региональных особенностей" (Абрау-Дюрсо, "Лиманчик", сентябрь 1995 г.)	78
<i>Горшенкова О.А., Засорина Т.Н., Шевель О.В.</i> 80-летие университетского образования на Юге России (С Ученого совета РГУ, Ростов н/Д, октябрь 1995 г.)	79
От редакции	81
Указатель материалов опубликованных в журнале "Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки" в 1995 г.	82

ИСТОРИЯ НАРОДОВ ДОНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В.А. Матвеев

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: НЕЗАМЕЧЕННЫЕ ИТОГИ

Из всех более или менее значимых сюжетов в исследовании событий Кавказской войны по известным идеологическим соображениям, пожалуй, только ее трагические последствия получили наибольшую освещенность в советский период. В концептуальном отношении они были представлены в виде обычных для этой поры рассуждений о покорении Кавказа, реакционных происках царизма, геноциде и угнетении горцев, выставляющих проблему в одностороннем, неприглядном для России свете. Немалое число ученых-историков придерживаются подобных взглядов и в наши дни. Не вдаваясь в историографические подробности, и без того хорошо известные по публикациям других авторов, остановимся в настоящей статье лишь на некоторых итогах Кавказской войны, так и оставшихся, к сожалению, незамеченными, для полноты картины сопроводив их тем не менее несколькими предварительными теоретическими сведениями.

По наблюдениям философа И.А.Ильина, оставившего в своем научном наследии наиболее глубокие, на наш взгляд, заключения об уникальности российского государства в сравнении с другими, оно слагалось не по произволу государей, правящего класса или тем более простонародья, а в силу объективных факторов, с которыми приходилось считаться. Поэтому Россия предстает как органическое единство территорий и народностей и все утверждения об агрессии со стороны русского народа и борьбе за свою свободу других, по его убеждению, несостоятельны [1]. На ее просторах на протяжении веков, а по сути изначально, происходило преимущественно добровольное (это же подтверждает и крупный теоретик-этнолог Л.Н.Гумилев [2]) единение народов и устанавливалась за счет этого полиэтническая государственная стабилизация, "европейско-азиатское, а через него и вселенское равновесие" [3].

Постепенно превращаясь в многонациональную державу, Россия выступала отечеством не только для русских, но и для многих народов. Конечно, в этом процессе использовалось и военное принуждение. В "чистом" виде солида-

ризация народов в пределах одного государства, как свидетельствует мировой опыт, происходила только в Швейцарии [4]. Но российский размах этого явления намного превзошел его параметры в этой западноевропейской стране. Во всех остальных случаях включение инациональных сообществ в те или иные государственные пределы осуществлялось, как правило, путем поглощения, с установлением для всех унифицированного, без какой-либо политической дифференциации, общественного устройства. Многие бывшие империи превратились вследствие этого из многонациональных в этнически однородные монолиты или приблизились к ним (Германия, Китай и т.д.).

Россия же, как и Швейцария, считает И.А.Ильин, "сколько получила народов, столько и собила" [4]. В ее государственном устройстве сочетались элементы как федерализации (упорядоченное единение и самобытность частей, их самостоятельность в законных пределах), так и унитарной централизации ("политическое включение и срастание"). Им соответствовали и параллельные надстроечные государственные формы: корпоративная ("объединение по свободной воле на основе общего интереса") и учредительная ("объединение не снизу, а сверху на основе опеки и повиновения"). До 1917 г. учредительная (монархическая) форма правления, по его мнению, уживалась с корпоративным самоуправлением инациональных общин [5], что в иных универсалистских полиэтнических образованиях в таком соотношении не встречается. Однако эти элементы не были во всех деталях сбалансированы и не имели полной гармонии в сочетании и взаимодействии. Приведение их к такому состоянию было уделом будущих, так и не наступивших преобразований.

В тех же случаях, когда присоединение достигалось в результате войн, совершавшихся чаще всего из-за стратегических потребностей обеспечения безопасности державных рубежей, нередко еще до их начала некоторые племена, как это было и накануне Кавказской войны, уже вступали с Россией в единение. Само же завое-

вание официально не воспринималось как порок [6]. А главная цель проводившейся по отношению к инородцам политики сводилась к гражданскому приобщению, "слиянию с остальными подданными..." [7], тогда как в других имперских объединениях — к преимущественному получению материальных и политических выгод.

Так, доходы Англии, установившей владычество тоже над 1/6 частью Земли, только от одной заморской колонии Индии на 2/5 превышали все поступления в казну Российской империи [8], а для их получения коренное население было обложено непомерно тяжелыми налогами, размер которых ежегодно составлял 55-60% от общей прибыли хозяйства. Примерно такие же фискальные обложения устанавливались и в странах, завоеванных мусульманами, где так называемый "налог на неверных" тоже достигал 50% [9]. Кроме того, английские товары, ввозимые в Индию, были обложены пошлиной в 2,5%, а вывозимые в метрополию индийские — в 25-30%, от чего торговля и промышленность в самой колонии фактически подавлялись, а все выгоды коммерческих начинаний принадлежали только англичанам. Население же ее либалось из-за столь обременительных повинностей почти всех своих доходов и выводилось на грань разорения. Именно такой ценой обеспечивалось экономическое процветание метрополии, ее индустриальная мощь и относительное благосостояние жителей [9].

Обогащения же русского народа за счет других вообще не происходило, так как все инородческие территории в составе России рассматривались по большинству параметров на равных с великорусскими, а установленные для них налоговые повинности не имели каких-либо различий по признакам этнической принадлежности. Более того, в ряде случаев, например, для калмыков, башкир, ногайцев, крымских татар [10], горцев, расселенных в Нагорной полосе Северного Кавказа, "с учетом их нужды", они были существенно уменьшены особыми установлениями. А при введении русского управления в только что покорившихся обществах Дагестана в 1860 г. Главным штабом Кавказской армии было предусмотрено даже освобождение всех народов края "от взноса податей на три года во внимание к разоренному войною состоянию их" [11]. Купцы из инородцев повсеместно торговали без каких-либо ограничений наравне с русскими и "с обоюдною пользою" [12]. По сравнению с центральными великорусскими регионами, инонациональная периферия находилась отчасти даже в несколько привилегированном положении: значительную долю налоговых выплат покрывало русское население, при примерном численном равенстве его с

инородческим, на многие ее регионы в свое время не распространялось крепостное право, рекрутская повинность, соблюдалась нерушимость традиционных хозяйственных уставов [13].

В отличие от стран, зависимых от Запада, из-за геополитических особенностей формирования, отсутствия дискриминации в системе государственных отношений и, что тоже немало важно, близости расположения российская периферия неизбежно утрачивала окраинные, а там, где существовали на первых порах — и колониальные признаки (если ввоз промышленных товаров и вывоз сырья при наличии административно-политической автономии, одинаковых или существенно урезанных податных повинностей или даже при их отсутствии, как было, например, в Туркестанском крае, можно причислить к таковым), втягиваясь постепенно в совместное развитие с собственно русскими областями и губерниями. На рубеже XX в., накануне радикальных потрясений 1917 г., эта тенденция привела к усилению интеграционных процессов и завершению формирования полиэтнического государственного единства, происходившего на протяжении многих веков при взаимодействии двух (русского и инородческого) начал и вступившего в указанный период в стадию своего завершения.

На это обратил внимание еще в 1978 г. в докторской диссертации А.И.Козлов [14]. Эту же закономерность замечали и другие исследователи, Н.А.Бердяев осмысливал ее с позиции географического положения России, в силу которого "русский народ принужден был к образованию огромного государства" [15]. В чем-то схожие суждения развивает и Г.Дерлугьян, полагающий, что "в российской экспансии почти полностью отсутствует частный интерес при полном господстве интереса государственно-го..." и она по этой причине никак "не подпадает под квалификацию колониальной", являясь, на его взгляд, скорее всего по преимуществу беспрепятственным распространением юрисдикции на пространства, входившие ранее "в российско-степную" [16]. А.Р.Редких считает, что "к Российской империи присоединялись не колонии, а губернии" [17].

Однако, касаясь освещения этого вопроса в советский период, следует иметь в виду общепризнанность представлений о статусе российских окраин как сугубо колониального, укоренившихся с 20-30-х гг., получавших и впоследствии в разных аспектах "концептуальные" обоснования в соответствии с видоизменявшимися в зависимости от складывавшейся конъюнктуры приоритетными идеологическими заказами, в том числе и в трудах зарубежных ученых [18]. Особенно актуальными эти представления стали в наши дни, хотя никогда и ранее не находи-

ли убедительных конкретно-исторических подтверждений и не учитывали того, что Россия находилась в несколько ином цивилизационном измерении, имеет свои сложившиеся государственно-политические традиции и не поддается в силу этого грубым эталонным меркам.

Включив в свои пределы обширные просторы Евразии, Россия, по сути, превратилась в отечество не только для русских, но и для других народов, консолидация которых в ее полиэтническое гражданское сообщество происходила по-разному и была далеко не одинаковой. Для одних — достаточно высокой, для других, по разным причинам, — относительно слабой. Как видно, подражания приглянувшимся кое-кому западным образцам и моделям на российской почве лишены сколь-нибудь существенных оснований. В этой же связи следует отметить: освещение итогов Кавказской войны только под углом зрения победителей, “завоевания и покорения”, как это делалось нередко до 1917 г. [19], или побежденных, руководствуясь чувством застарелой обиды и озлобления, как было предписано после, с подбором ужасающих фактов о “разгромленных и сожженных аулах” [20] и умалчивания о такой же участи казачьих станиц и русских сел, отнюдь не отвечает заповедям объективности. Следуя критериям невозможности измерения прошлого лишь одной меркой, в нем плодотворнее изыскивать все-таки не поводы для раздоров, а формулы для примирения, тем более, что история для их выведения оставила достаточно солидное наследие, пока, к сожалению, не востребованное для научного осмысления.

По одному из запоздалых откровений самого Шамиля, “эту войну можно было кончить раньше”, где-то еще в 1838 г. Именно тогда он впервые пришел к намерению изъявить покорность России и обещал прекратить свои враждебные действия против нее на переговорах с представителями командования русскими войсками и склонился даже к поездке в Тифлис для встречи по этому поводу с государем императором, прибывшим на Кавказ, в чем горячо начал убеждать и своих ближайших сподвижников. Однако не встретил, к несчастью, понимания, столкнулся с грубыми обвинениями “в измене шариату” и угрозами убить, и вынужден был как человек безукоризненной честности подчиниться данной когда-то клятве, безупречно пронесеня до последнего еще на протяжении ряда лет взваленную обстоятельствами на его плечи ношу народного предводителя. По его же признанию, в войне с Россией он потерял свой народ. Незадолго до сдачи в плен уже почти все население, когда-то подвластное имаму, изъявило покорность ей вопреки мюридам и благосклонно встречало русские войска и их главнокоман-

дующего, наместника его величества в крас князя А.И.Барятинского [21].

Таким образом, даже по горячим следам событий их участники со стороны непокоренных горцев и в их числе, что весьма показательно, прославленный “Имам Чечни и Дагестана”, многоопытный ратник и “гений мусульманского мира”, как писали о нем при жизни, замечали то, что впоследствии было предано из-за идеологических коллизий незаслуженному забвению: Кавказ покорился не только силе русского оружия, но и силе нравственного авторитета России. И расписывать этот исторический акт в сплошных мрачных тонах, как это было принято и делается до сих пор, совершенно неправомерно.

Были, конечно, что перечеркнуть невозможно, обоюдные разрушения в ходе боевых действий, но были и построенные самые большие и красивые мечети в чеченских и других селениях на деньги, выделенные из личных средств “главных виновников” покорения, например, генерала А.П.Ермолова. Были жертвы с той и с другой стороны, но были и горские общества, которые русские войска брали под защиту от произвола мюридов. Было, как и на всякой войне, ожесточение, но были и спасенные в сражениях дети, которым русские офицеры обязывались отчислять определенный процент от своего жалования до совершеннолетия, не говоря уже о крупных разовых пожертвованиях [22] и создававшихся за счет казны специальных приютах, “военно-сиротских отделений” для малолетних детей “возмутителей и изменников между горскими народами” [23].

Были штурмы крепостей, но были и суровые приказы немедленно прекратить перестрелку, как было, к слову, при взятии последнего пристанища “непокорных” Гуниба, чтобы не подвергать находящихся там женщин и детей, как сказано в приказе, “ужасам боя”. Впрочем, и Шамиль, что нелишне упомянуть в дополнение к обозначенным альтернативным перечислениям, не был лишен благородства. Об этом можно судить хотя бы по тому, что он разрешил русским раскольникам, бежавшим в горы, свободно отправлять богослужение, возводить новые часовни, поддерживать разбросанные храмы, не требуя за эти права ни податей, ни повинностей [24]. Как имам, он обладал огромным нравственным влиянием на подвластные народы, но на каком-то этапе сила нравственного влияния России стала выше, и Шамиль, как уже отмечалось, вынужден был с горечью признать это в качестве решающего обстоятельства, лишившего его широкой поддержки для продолжения борьбы. Это всего лишь маленький штрих к историографии вопроса, считавшегося неплохо изученным, со всей наглядностью показавший

необходимость очищения сложившихся в ней стереотипов от перекосов, исказивших до неузнаваемости истину.

Обратимся к еще одной немаловажной детали последствий Кавказской войны. Как известно, по ее завершении для коренных народов края была установлена особая, приспособленная прежде всего к их политическим традициям, система управления, получившая наименование военно-народной. Она основывалась на сохранении существовавшего общественного строя с предоставлением населению возможности решать свои внутренние дела по народным обычаям (адатам). В неизменном виде сохранилось также судопроизводство и привычные способы разрешения правовых проблем, в том числе по канонам исповедуемой мусульманской религии (шариата), являвшейся на первых порах наиболее чуждой по духу для русского правления [25]. И это не было каким-то вынужденным исключением. По существовавшим законам Российской империи, "порицание других церквей подвергалось запрещению" [26]. Для исполнения управленческих функций в низших звеньях административного аппарата каждый народ избирал из своей среды чиновников (старшин и судей), которые лишь после этого утверждались в должностях вышестоящими начальниками.

Русская администрация поддерживала внешний порядок, используя в критических ситуациях военную силу [27]. Будучи имамом, Шамиль гораздо жестче управлял горцами, полагая, что для этого нужна только "железная рука". Он применял "беспощадные кары" за любые проступки и впоследствии рассматривал прежнюю жестокость как "печальную необходимость" для поддержания общественно-политической стабильности [28]. Русская власть в этом сохранила преемственность, учла существовавшие особенности, главным образом отсутствие у местных народов психологического склада, приспособленного к государственному развитию.

Однако поддержание внешнего государственного порядка при таких обстоятельствах требовало содержания на северокавказской окраине чрезмерно раздутых штатов администрации и многочисленных военных подразделений, что привело к образованию весьма значительной прослойки чиновников и военных. Она достигала здесь 3-4%, тогда как в центральных районах всего 1,5%, а там, где существенно преобладали склонные к мятежам и неповиновению наиболее воинственные племена, поднималась иногда до 7-8% [29]. В связи с этим расходы на управленческий аппарат были значительными, достигая 61% от общих [30] и на российский бюджет для покрытия их были возложены немалые затраты, только частично возмещавшиеся податными сборами с под-

властного населения.

Но именно такое мощное государственное присутствие в этом сложном полиэтническом регионе, уделом которого в прошлом были по сути не прекращавшиеся кровавые взаимоистребительные столкновения, заставляло даже взыскательную западноевропейскую прессу после включения края в состав России писать о том, что она впервые за многие века "принесла сюда успокоение", положив "начала мирному преуспеваю" [31], как писал наместник его величества на Кавказе граф И.И.Воронцов-Дашков в телеграмме от 25 августа 1909 г. императору Николаю II по случаю 50-летия покорения его северо-восточной части и падения последнего здесь оплота мюризма [31].

Тем не менее в этих оценках есть известная доля преувеличения. Полного замирения в крае тогда достигнуто не было. Время от времени, хотя и в намного меньших размерах, его еще не раз озаряло пламя межнациональных конфликтов. Однако численность присоединенного населения стала неуклонно возрастать. Этот рост был естественный и выше, чем на предшествующих этапах [32]. Во всех деталях просчитать эту тенденцию из-за пробелов статистики не представляется возможным, но наличие ее на основе имеющихся данных очевидно. Это указывает на благотворность и стабилизирующее значение российских государственных ограничений.

Системная совмещенность их в военно-народном управлении с гарантиями невмешательства во внутренние дела свидетельствует о том, что окончательная стабилизация достигалась при помощи не подавления, как принято думать, а политического компромисса, предложенного всем горцам, несмотря на военное поражение непреклонных последователей теократической доктрины и всевозможных в ее русле ориентаций. В его рамках обеспечивалось их официальное признание, независимо от предшествующих обстоятельств вхождения, добровольных или принудительных, правда, с дифференциацией на переходный период в доверии властей, соотечественниками и предполагалось, что большинство горцев, постепенно со временем признают Россию все же своим отечеством. Именно гражданское приобщение, "слияние с другими подданными" [33] и было конечной целью этого компромисса.

И условия его принял, хотя и не сразу, сам прославленный имам, вдохновитель газавата (священной войны) с иноверной православной державой. После сдачи Шамиля в плен 25 августа 1859 г. российское правительство признало все его заслуги, "впечатления от которых, — как было заявлено посланником русского командования, — никогда не померкнут", причем в са-

мую, пожалуй, тяжелую минуту жизни, в момент обдумывания рокового, как казалось сначала, решения о прекращении борьбы, когда он испытывал невыносимые душевные муки и ожидал расправы, и дальнейшее неизменное предельно уважительное и даже сочувственное отношение к себе и членам своей семьи.

Руководивший операцией барон Врангель при встрече с ним "ответил ласково на его поклон, сказав, что хотя до сих пор русские были его врагами... но теперь он найдет в них лучших своих друзей" [34]. Так же вежливо обошелся с ним и наместник, главнокомандующий князь А.И.Барятинский. На его слова сожаления о том, что имам не сдался раньше, последний ответил: "...я не внял твоим советам, прости и не осуждай меня. Я простой уздень, тридцать лет дравшийся за религию... но теперь народы мои изменили мне... Поздравляю Вас с владычеством... над Дагестаном и от души желаю государю успеха в управлении горцами для блага их" [35]. Все мюриды, переходившие еще до этого финального акта... на русскую сторону, тут же "получали полное прощение" и с доверием принимались при желании на службу, а оставшиеся до конца верными, имаму были отпущены "на свободное жительство" в аулах с личным оружием, чтобы не унижать их достоинства, также как, впрочем, оставлено оно было и самому имаму и с ним он предстал даже перед наместником, а впоследствии и перед российским монархом.

Встреча с Александром II, состоявшаяся 15 сентября 1859 г. в г.Чугуеве Харьковской губернии, во время которой царь обошелся с ним на удивление великодушно и заверил, что Шамиль не будет раскаиваться о сдаче в плен, особенно глубоко тронула имама. Он начинал понимать, что находится "не во враждебной... а в дружественной стране" [36]. О высокой степени гуманного отношения к пленнику красноречиво говорят и приготовленный специально для него чай в серебряном сервизе в отдельной палатке по прибытии на место первого "заточения" в русской военной лагерь, и купленные наместником ему и его близким подарки (англичане, к слову, в аналогичных ситуациях предавались грабежу, обирая до нитки), и построенный ему в г.Калуге, где была назначена ссылка, большой двухэтажный дом с маленькой мечетью во дворе, и годовое, весьма приличное содержание в 15 тыс. рублей (профессор, для сравнения, получал тогда всего 5). И такое обхождение было не только с ним. Шамиль видел и других сосланных горцев, которые "ходили на свободе, получали также от государя содержание, занимались вольной работой и жили своими домами", и до глубины души раскаивался, что не так содержал русских пленных [37].

При прощании по пути следования в глубь России с курским губернатором Н.П.Бибиковым Шамиль поблагодарил его за проявленное гостеприимство и откровенно признался: "Как военнопленный я не имел права ожидать повсюду ласкового приема". На это губернатор в свою очередь заметил: "Русские зла не помнят и нет сомнения, что и далее Вы встретите к себе повсюду внимание". Последующие наблюдения Шамиля подтвердили это. Он действительно убедился, что на него никто не сердится и не желает зла, даже мальчишки, а на Кавказе, по его утверждению, в таком же положении "закидали бы ... грязью, ... прибили бы ... и даже убили..." [38].

Получив в России признание как герой, испытал после всего такое отношение к себе "как к другу и брату", знакомясь с показываемыми ему сопровождающими офицерами достопримечательностями российских городов и столиц, посещая балы в дворянских собраниях и театры, имам как-то при осмотре дворца в Царском селе остановился и долго восхищенно смотрел на статую Спасителя и как глубоко верующий человек после раздумий проронил: "Он многому прекрасному учил Вас, я тоже буду ему молиться..." А на заданный однажды кем-то вопрос: "Отчего Вы так упорно не сдавались?", — искренне ответил: "Да, я жалею, что не знал России и что ранее не искал ее дружбы" [39].

За семь лет нахождения в ее пределах Шамиль постепенно пришел к мысли присягнуть ей на верное подданство и обратился к государю с собственноручным письмом на арабском языке, где, в частности, говорилось: "...я завещаю им (детям — В.М.) быть верноподданными царям России и полезными слугами новому нашему отечеству... Упокой мою старость и повели, государь, ... принести мне и детям моим присягу на верное подданство... В свидетели верности и чистоты моих помыслов я призываю всемогущего Бога... и даю клятву на священнойшем коране..." Присматривавший же за ним и ставший для него очень близким в радости и горе генерал М.Н.Чичагов поддержал его в этом намерении, и чтобы оно нашло скорейший благосклонный отклик в правящих кругах, незамедлительно известил обо всем телеграфом военного министра.

Соответствующие службы тут же получили распоряжение для этого торжественного случая перевести на арабский язык, "применительно к мусульманской религии", присяжный лист, назначить муллу. 26 августа 1866 г., символически подведя черту всему пережитому за долгие годы познания России, Шамиль со всем своим семейством в зале Дворянского собрания г.Калуги при полном соблюдении норм и обычаев шариата присягнул ей на верное подданство, после

чего, как и все проходившие в разное время через этот обряд, в том числе и целые народы, считался уже соотечественником. Он очень надеялся, что все его сыновья и зятья, приняв эту присягу, будут служить новому отечеству и его монархам "верой и правдой".

После окончательного замирения на Кавказе было удовлетворено и сокровенное желание имама посетить священный город мусульман, о чем он просил государя во время личной встречи в Петербурге еще в 1861 г. Спустя 9 лет, в 1870 г., со своим семейством, на выделенное специально для этой поездки казенное пособие, он отправился в Мекку. Вернуться из-за "одолевших недугов" ему было не суждено. Шамиль умер в 1871 г. в г. Медине, благославляя Россию и молясь за ее "великодушного монарха" [40].

В его поистине великой судьбе, как и в неразрывно связанной с ней жизненной участи его сыновей, словно в капле, отражена судьба всех горских народов, раздиравшихся противоречивыми настроениями "за" и "против" при единении с Россией. Сын Шамиля Джамал-Эддин, выданный в 1839 г. отцом в заложники (аманаты) русским, был окружен вниманием и заботливо воспитан в Пажеском корпусе, самом престижном военном учебном заведении, попал на службу в один из гвардейских полков и горячо полюбил свою вторую родину. Он умер в тоске по ней, принужденный родителем помимо своей воли вернуться в Дагестан, прожив там всего 3 года. Шафи-Магомет стал генерал-майором, поступив служить в конвой его величества, и, судя по всему, также был патриотом России. Кази-Магомет нарушил завещание отца, не вернулся из-за границы и подался в турецкие войска, в составе которых он принимал деятельное участие в различных военных кампаниях против России, особенно в 1877-1878 гг. [41].

Точно такие же противоречия проявлялись и в интеграционных процессах с Россией у всех без исключения северокавказских народов, о чем говорилось уже в ряде публикаций автора [42]. Одна, чаще всего самая значительная часть тех или иных этнических сообществ, в конечном итоге приходила к осознанию своего единства с Россией, признанию ее своим отечеством, а другая продолжала сохранять по отношению к ней или нейтральную до поры до времени неопределенность, или даже открытую враждебность. Затрагивалась этими переменами и весьма консервативная сфера религиозных приверженностей.

Особенно ярко эта двойственность проступала на поверхность исторических событий в экстремальных ситуациях. В периоды военных лихолетий, например, часть мусульман края, так же, как и миллионы других их российских еди-

новерцев, молилась во главе со своими муллами, как когда-то и имам Шамиль, за Россию, прося всевышнего о ниспослании победы русскому оружию, а часть предавалась не успевшему остыть за годы российского подданства религиозному фанатизму и подпадала под влияния других политических ориентаций.

Молились они и за советскую власть, воспринимавшуюся в народном сознании наиболее авторитетной преемницей государственной власти, не оказав массовой поддержки националистическим партиям и движениям. Бытовавшее ранее мнение о якобы решающей роли в понимании населением классовой природы советской власти является по меньшей мере поверхностным. Их значение, равно как и всех прочих, необходимо учитывать, но оно все же, на наш взгляд, не было определяющим. Здесь срабатывали, судя по всему, прежде всего общегосударственные связи. Формирование их происходило уже при вхождении тех или иных национальных сообществ в состав России и продолжалось впоследствии. На рубеже XX в. этот процесс приобретал все большую устойчивость, но не был еще завершен. Не получил он завершения, как показывает современный конфликт в Чечне, и поныне.

Линия на компромисс в политике, проводимой на Северном Кавказе, обеспечивавшая постепенное эволюционное приобщение его автохтонного населения к российской государственной системе, еще в общих чертах выдерживалась и в начале XX в. Изыскивались все новые возможности для более прочной интеграции края с Россией, что подтверждают, в частности, юбилейные торжества по случаю 50-летней годовщины покорения Восточного Кавказа, проходившие в Гунибе 24-25 августа 1909 г. На них вместе с частями войск, участвовавших когда-то в его последнем штурме, были приглашены многочисленные представители Чечни и Дагестана, а также других инородческих территорий.

Торжества привлекли и не менее многочисленные группы из окрестных аулов, среди которых оказалось немало непосредственных участников этого переломного для всех горцев исторического свершения, с каких бы позиций его ни оценивали. В дни их прохождения главнокомандующий Кавказского военного округа, генерал-адъютант, наместник русского императора в регионе граф И.И.Воронцов-Дашков, также принимавший участие во взятии этой считавшейся совершенно неприступной горной твердыни, получил, как сообщали газеты, "громадную массу приветственных телеграмм со всех концов Кавказа... Туркестана и России", а также от самого монарха в самых высокомиловостивых выражениях" [43]. В связи с этой датой наместник встречался с делегацией от различ-

ных горских обществ, посланных ими специально для изъявления верноподданнических чувств. В программе были предусмотрены и маневры с полным воспроизведением хода военных действий, как они развивались в памятные дни 1859 г.

По их завершении войска были собраны в резервные колонны в березовой роще "у камня князя А.И.Барятинского", где он по-доброму встретил плененного Шамиля. Тут была отслужена торжественная панихида по всем воинам, на поле брани живот свой положившим в Кавказскую войну. Во время панихиды горцы, собравшись в обширный круг, совершили также молитву по всем павшим героям. Совместное молебствие закончилось провозглашением многолетия царствующему дому, всероссийскому христобливному воинству и церковным парадом. При этом церемониале, по сообщениям корреспондентов, освещавших юбилей, "могучему "ура" войск в едином порыве вторили многочисленные представители Чечни и Дагестана" [44], что так или иначе подтверждает вывод о происшедшем уже гражданском приобщении, хотя оно, безусловно, не было тогда еще всеобщим.

В условиях наметившегося политического кризиса самодержавной формы правления в начале XX в., затронувшего все сферы общественных и социальных отношений, в том числе и на северокавказской окраине, этот компромисс все меньше и меньше обогащался конструктивными идеями, адекватно отражающими новые реалии. Представители власти, не замечая происшедшей интеграции подавляющего большинства местного населения в российское полиэтническое гражданское сообщество, набравшей силу тенденции признания ими России своим отечеством, в ряде критических ситуаций, требовавших государственного вмешательства, совершенно неоправданно прибегали к мерам военно-полицейского принуждения. Хуже того, они обращали карательные и репрессивные акции не против чуждых государственным устоям элементов (разбойных абреков, всевозможных уголовников и т.д.), а против, что случалось не раз, целых аулов, представлявших им якобы укрытие, хотя их жители сами от них страдали в неменьшей степени, и, испытывая страх, взывали к тем же властям о помощи. Впрочем, такие же меры в аналогичных случаях применялись и к русским. Достаточно вспомнить в этой связи о судьбе старообрядцев, духоборов или о подавлении бунтов.

В политике России, следует заметить, эти рецидивы время от времени проявлялись и ранее, ибо в ней всегда сталкивались противоречивые тенденции: с одной стороны, говоря словами С.Ю.Витте, "узкого национализма", когда "все

нерусские должны почитаться не настоящими сынами России", сколь-нибудь широкого распространения не получавшая, а с другой — соблюдения общероссийского равновесия, признания так или иначе двух государственных начал, русского и инородческого, поддержания "нравственного авторитета России" [45], способствовавшего на протяжении веков объединению в ее пределах различных народов. Когда преобладающей становилась традиционная для государства последняя, Россия добивалась крупных успехов, как мы видим и на примере окончания Кавказской войны, а когда намечались отклонения от нее — расплывалась неустойчивостью и потрясениями.

Итак, изложенные в статье итоги Кавказской войны — покорение этнонационального края не только силой оружия, но и силой нравственного авторитета России, политический компромисс и состоявшееся гражданское приобщение коренного населения к ней — оставались наукой не замеченными, как и некоторые другие, на которых автор остановиться пока не мог. Однако и сказанного достаточно, чтобы сделать несколько актуальных обобщений.

Во-первых, и на сегодняшний день, как и в прошлом, геополитические интересы народов, причисляющих себя к российскому полиэтническому сообществу, совпадают. Не случайно этнополитическую (государственную) стабилизацию Кавказа под эгидой России в свое время поддерживали многие народы края, не раз в критических ситуациях доказывавшие свою приверженность ей [46], боровшиеся сами за ее достижение, а приняв подданство, получали лишь общее объединяющее руководство, более высокий уровень организованности, участвовали в подчинении приверженцев иных вариантов самоопределения. В составе русской армии действовали целые подразделения (полки, дружины, отряды), сформированные, как правило, на добровольной основе из армян, аварцев, грузин, татар, чеченцев и т.д., возглавлявшиеся своими военачальниками, многие из которых добивались крупных успехов на этом поприще. Офицерский корпус Кавказской армии более чем наполовину состоял из представителей местных народов.

Таким образом, это вхождение соответствовало не только национальным интересам русских, так как обеспечивало их безопасность на одном из важнейших стратегических направлений, соприкасавшегося с территориальными массивами, не организованными в государственном отношении и подпадавшими все больше под влияние враждебной державы. Оно отвечало интересам и самих коренных народов или по крайней мере значительной части их,

предопределив более успешное совместное развитие. Некоторые из них получили при этом впервые за многие века спасительную для себя державную защиту от непрекращавшихся агрессивных из сопредельного зарубежья, а некоторые при сохранении привычного самоуправления — недостававшее ему в прошлом внешнее централизующее государственное оформление.

Исходя из этого, можно констатировать, что на северокавказской окраине, как и в целом по России, государственно-политическая консолидация существенно опережала национальную и в большинстве случаев из-за особенностей региона происходила уже после вхождения народов в ее состав. В этом одно из существенных отличий от стран Западной Европы, где эти процессы происходили как бы вместе или были близки к совпадению. Поэтому у северокавказских этнических сообществ, как и у русского, не получившего полного единства ни во время государственной централизации, ни на последующих этапах, консолидирующее государственно-политическое начало преобладало над национальным и даже религиозным. В силу этого в России, в отличие от других стран, нет совпадения государственного и этнического полей, ее государственное поле само по себе полиэтнично. Показателем государственного поля является общегосударственное самосознание, этнического — национальное. В России у большинства народов сформировалось и то, и другое. В зависимости от обстоятельств, как показывает исторический опыт, преобладающим может становиться как первое, так и второе.

Во-вторых, в России и сегодня, в отличие от других государственных образований европейского, азиатского или иного зарубежья, нельзя стоять на почве "узкого национализма", русского или регионально-национального, что подтверждают последние события на Кавказе и, в частности, в Чечне. Часть чеченцев, преимущественно в районах, добровольно принявших российское подданство (Надтеречная полоса), демонстрируют свою пророссийскую приверженность, часть сохраняют нейтральную неопределенность, а часть придерживается идеи национального обособления. Отсюда очевидно: разрушится Россия — разрушится и Чечня. Для того чтобы она осталась единой, должна остаться неделимой Россия. Такого наследия истории, с которым необходимо считаться.

Литература

1. См.: Ильин И.А. О грядущей России: Избр. статьи. Троицкий монастырь, 1991. С.163.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994. С.345.
3. Ильин И.А. Указ. соч. С.171.
4. Там же. С.27,174.
5. Там же. С.15,22,24,27,52,54,272.
6. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. (Репринтное воспроизведение б/л. Екатеринодар, 1910-1913); В 2-х т. Краснодар, 1992. Т.2. С.7; Редлих Р. Российское и русское национальное самосознание //Посев. 1993. N1. С.100.
7. РГИА, ф.381, оп.47, д.42, л.667; ЦГАСО, ф.224, оп.1, д.134, л.3-3-об.
8. Британская империя в Индии. Сочинение шведского генерал-лейтенанта графа Биорнштеерна. М., 1847. С.141.
9. Индия под английским владычеством. Сочинение барона Барту де Панозна. М., 1848. Т.1. С.35,123-126,450,452,455.
10. Кабузан В.А. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992. С.214-215.
11. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом.: В 2-х т. Тифлис, 1907. Т.2. С.75-76.
12. Каптарадзе А.Г. Генерал А.П.Ермолов. Тула, 1977. С.79.
13. Кабузан В.А. Указ. соч. С.214-215.
14. Козлов А.И. Социально-экономические, политические отношения и классовая борьба на юго-востоке Европейской России накануне Октября. Дис. докт. ист. наук. Ростов н/Д., 1978. С.294.
15. Бердяев Н.А. Судьба России... М., 1990. С.59.
16. Дердугьян Г. Была ли Российская империя колониальной //Международная жизнь. 1991. N2. С.89,97.
17. Редлих Р. Указ. соч. С.100.
18. Ленин В.И. Развитие капитализма в России //Полн. собр. соч. Т.3. С.593. Алиев У. Очерк исторического развития горцев Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и пр. Ростов н/Д., 1927. С.9-10; Лихницкий Н. Колониальное развитие горских народов. (Терек-колония). Краснодар, 1930. Т.1 (4) С.69; Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. 2-е изд. М., 1952. С.67; Боффа Дж. История Советского Союза. В 2-х т. 1917-1941 гг. М., 1990. Т.1. С.18-19 и др.
19. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб, 1888. Т.6; Утверждение русского владычества на Кавказе. Под ред. генерал-лейтенанта Петто. Тифлис. Т.3. 1904 и др.
20. Кокеев Г. Военно-колониальная политика царизма на Северном Кавказе //Революция и горец. 1929. N6. С.32-37; Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1927 и др.
21. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк Юст. М.Н.Чичагова. СПб, 1889. С.55-56,120,183,89-100.
22. Там же. С.22,104.
23. Каптарадзе А.Г. Указ. соч. С.82.
24. Чичагова М.Н. Указ. соч. С.49,93.
25. Матвеев В.А. Особенности административно-политического устройства северокавказской окраины России накануне революций 1917 г. //Исторические этюды. Вып.1. Ростов н/Д., 1993. С.118-119.
26. Шиманов Г. Что мы знаем о самодержавии //Молодая гвардия. 1994. N1. С.147.
27. Матвеев В.А. Была ли Россия "тюрьмой народов?" //Посев. 1994. N4. С.48-49.
28. Чичагова М.Н. Указ. соч. С.49,93.
29. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб, 1903. Т.70. С.7; Отчет начальника Терской

области и наказного атамана терского казачьего войска за 1913 г. Владикавказ, 1914. С.3; Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана кубанского казачьего войска о состоянии области за 1915 г. Екатеринодар, 1916. С.14; Обзор Ставропольской губернии за 1914 г. Ставрополь, 1915. С.12; РГВИА, ф.970, оп.3, д.1939, л.166,237; ЦГИАГ, ф.229, оп.1, д.874, л.22 (подсчет автора — В.М.).

30. РГВИА, ф.400, оп.3, д.3041, л.14-об.

31. Кавказ. 1909.1 (14 сент.)

32. Кавказский календарь на 1917 г. Отдел статистики. Тифлис. 1916. С.190-237; Кубанский сб. на 1916 г. Екатеринодар, 1916. Т.21. С.4; Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана кубанского казачьего войска о состоянии области за 1915 г. Екатеринодар, 1916. С.4; Отчет начальника Терской области и наказного атамана терского казачьего войска за 1901 г. Владикавказ, 1903. С.3; Отчет начальника Терской области и наказного атамана терского казачьего войска за 1913 г. Владикавказ, 1914. С.3; РГВИА, ф.1, оп. 1, д.61850, л.61; ГАКК, ф.454, оп.1, д.5299, л.21 (подсчет автора — В.М.).

33. ЦГАСО, ф.224, оп.1, д.134, л.3-3-об.

34. Чичагова М.Н. Указ.соч. С.44,96-98.

35. Там же. С.100.

36. Там же. С.112-113.

37. Там же. С.126.

38. Там же. С.122,117,119-120,126,128,172.

39. Там же. С.113.

40. Там же. С.200,202,206.

41. Там же. С.83-84,207.

42. Матвеев В.А. Последняя империя или сообщество народов? (Исторические особенности национального вопроса в России)/Проблемы истории. Ростов н/Д, 1993. С.46-50.

43. Кавказ. 1909. 23 авг. (5 сент.); 26 авг. (8 сент.); 27 авг. (9 сент.); 1 (14) сент.

44. Витте С.Ю. Избр. воспоминания. М., 1991. С.30,32,35,395.

45. Государственная Дума. 3 созыв. Сессия 5. Стенографический отчет. Ч.4. 1912 г.

46. Лысенко Н. Стратегия нашей борьбы //Молодая гвардия. 1993. №9 С.194.

П.Г.Чернопицкий

ОПЫТ ПОВЫШЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ В 1920-1927 ГОДАХ

В наше время существенными задачами являются интенсификация сельскохозяйственного производства, повышение плодородия земли, создание условий устойчивого ведения сельского хозяйства. Для решения этой задачи правомерно тщательное изучение опыта минувших десятилетий. В частности, опыта советского государства, которое стремилось в 20-е годы повысить экономическую мощь единоличных крестьянских хозяйств, придать им устойчивость в борьбе против стихийных бедствий, повысить их доходность, улучшить снабжение города и условия жизни бедняцко-середняцких масс деревни.

Эта проблема мало разрабатывается в исторической науке, в том числе и на Северном Кавказе. Специальных работ по данной теме нет. В настоящей статье делается попытка осветить конкретные вопросы повышения культуры земледелия, его интенсификации на Северном Кавказе.

До революции крестьянское хозяйство Дона и Северного Кавказа было экстенсивным. Империалистическая и гражданская войны подорвали крестьянское хозяйство. В результате основная масса крестьянства вынуждена была

сократить свое хозяйство и стремиться к наиболее экстенсивному его ведению.

Появление в сельскохозяйственном производстве массы мелких хозяйств, получивших землю в результате революционных аграрных преобразований, но не имевших рабочего скота и инвентаря, изменение форм землепользования — также содействовали переходу, как отмечалось в резолюции второго Терского губернского агрономического съезда в декабре 1922 г., "к менее сложным и более упрощенным сельскохозяйственным машинам и орудиям, что значительно способствует широкому применению простейших приемов обработки почвы и уборки урожая, значительно понижающих продуктивность"[1].

Приступив к восстановлению хозяйств, крестьянство стремилось к расширению и максимальному увеличению посевной площади. Однако нехватка сельхозинвентаря, семян приводила к невозможности увеличить посевную площадь без ущерба для качества обработки земли. Применение коров, букарей (вместо плугов), сев наволоком и по стерне — все это, в большинстве случаев, приводило к поверхностной обработке земли, понижению урожайности,